Яновский, О. А. Диалог интеллигенции и советской власти о сущностных характеристиках белорусского университета (начало 1920-х гг.) / О. Я. Яновский // Працы гістарычнага факультэта БДУ: Навук. зб. Вып. 4 / Рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] — Мн: БГУ, 2009. — С. 76–86.

О. А. ЯНОВСКИЙ

ДИАЛОГ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ О СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ БЕЛОРУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА (начало 1920-х гг.)

До революционных событий 1917 г. вопрос об открытии университета в одном из белорусских городов не раз безуспешно ставился не только представителями белорусской интеллигенции, но и городскими думами Вильно, Минска, Витебска, Могилева. Этот вопрос остался нерешенным и Временным правительством. Первые реальные шаги к созданию белорусского университета попытался сделать Народный секретариат БНР. Над университетским проектом стали работать известные ученые-гуманитарии — историк М. В. Довнар-Запольский и этнограф-языковед Е. Ф. Карский. Однако в условиях, когда Беларусь была оккупирована кайзеровской Германией и когда правительство БНР не могло быть воспринято большевистским правительством уже новой — советской России, расчеты на реализацию университетских планов были эфемерны.

Начинания в области возрождения высшего образования на белорусской земле, сделанные БНР, не могли долгое время оставаться в тени политических задач, которые сами могли решаться только при наличии соответствующего их масштабности слоя высокообразованной и национально-ориентированной интеллигенции. Правда, большевистская власть должна была добиться совмещения в университетском сообществе исторически сформированных и утвердившихся за прошедшие столетия принципов корпоративности, свобод, логики и структуры учебного и творческого процессов с установками на пролетаризацию и большевизацию, а тем самым на беспрекословную идеологизацию всех сторон деятельности и всей сущности уже советских университетов.

Уже 25 февраля 1919 г. Центральный исполнительный комитет новой белорусской государственности принял декрет, наметивший конкретные меры по открытию в Минске университета со статусом государственного. Однако столь смелое решение вскоре, в марте 1919 г., одному из руководителей Советской Социалистической Республики Бело-

руссии (ССРБ) А. Ф. Мясникову пришлось отстаивать в Москве перед правительством Советской России, доказывая, что университет необходим в Беларуси по «соображениям экономического, технического и культурно-бытового характера местной жизни». Позиция белорусского руководства нашла понимание и даже был согласован план финансирования белорусского университета из средств Наркомпроса РСФСР. Однако военно-политические обстоятельства на время законсервировали конкретные действия.

К сожалению, национальная самобытность белорусов, их история, культура, государственность, которые и должны были стать первопричиной основания (точнее — возрождения) университетского образования на белорусской земле, как-то в суете революционных событий и военного противостояния стали отходить на второй план. С самого начала, еще только на уровне становления белорусского университета, стали определяться его смысл и предназначение как чуть ли не идеологического форпоста на крайних западных рубежах победившего большевизма. Констатировалось, что учреждение университета является чрезвычайно нужным делом, так как он будет способствовать не только всестороннему изучению особенностей края, но «его сближению во всех областях с Россией». Этой идеей-установкой и руководствовались члены «объединенного собрания представителей Совнаркома и Президиума ЦИК, представителей временного Правления БГУ, Московской комиссии профессоров и минской «пятерки» по организации БГУ», собравшиеся 17 апреля 1921 г. для окончательного решения вопроса по созданию в Минске университета.

Утвержденный первым ректором БГУ известный российский историк В. И. Пичета, будучи на своем посту, не раз отмечал, что университету всеми возможными способами помогали в первые годы его становления не столько партийно-советские органы как таковые, но именно некоторые их руководители. Особо он подчеркивал роль, личное участие в решении даже самых мелких дел председателя ЦИК и СНК Белорусской республики Александра Григорьевича Червякова. Так, в самое сложное время 1921—1923 гг., когда голод в Поволжье значительно ограничил возможную помощь со стороны РСФСР, белорусский ЦИК по инициативе Червякова принял беспрецедентное решение выделить из скудного бюджета на нужды университета 40 млрд руб. [1]. Этот шаг должен был как бы «уравновесить» ситуацию, возникшую в связи с

установлением платы за обучение, что вызвало не только ропот и недовольство «рабоче-крестьянского студенчества», но и повлекло

среди них серию самоубийств из-за крайней нищеты и разочарования во власти [2]. Начался отъезд профессорско-преподавательских кадров из Минска в другие города в поисках элементарных условий. Даже встал вопрос (его пытались обсуждать в Москве) о прекращении деятельности БГУ. Власти вынуждены были искать не только деньги в казне, но и изыскивать возможные иные пути спасения положения: инициировали организацию «касс взаимопомощи», открывали с помощью Красного Креста и благотворительных американо-еврейских организаций «АРА» и «Джойнт» бесплатные студенческие столовые, по спискам БГУ ставили его профессуру в очередь на получение пищевых пайков и т. д. И уже вскоре белорусская пресса запестрела бравурными сообщениями о широкой практике отправки чуть ли не сотен студентов на оздоровление на курорты Кавказа и Крыма и о почти 50-процентном охвате студентов стипендиями.

Одним из источников обеспечения жизнедеятельности университетских преподавателей стала БелКУБУ, созданная решением СНК ССРБ от 6 октября 1922 г. [3, л. 78]. В постановлении правительства «О Белорусской Комиссии по улучшению быта ученых» говорилось, что для решения подобных вопросов необходимо объединить усилия всех наркоматов республики, но при непременном контакте в действиях с подобной комиссией РСФСР (ЦеКУБУ) и «в согласии с ее распоряжениями», так как они не противоречат «белорусским узаконениям». На такой политико-юридический «выверт» белорусские власти вынуждены были пойти, дабы соблюсти и свое лицо, и устанавливавшийся порядок субординации во взаимоотношениях с РСФСР даже, казалось бы, в решении вопросов сугубо местного уровня.

На первых порах в официальных властных кругах ССРБ торжествовала точка зрения об «общегосударственном» значении начавшего свою работу БГУ. Под эти термином понималась вся Россия, неотъемлемой частью которой и впредь должен был оставаться некий ее «белорусский край». Но постепенно в лексике и власти, и общественных кругов, и представителей формирующейся интеллигенции (прежде всего — национально-ориентированной) все отчетливее и конкретно зазвучали определения университета как важнейшего элемента «национального возрождения Белоруссии» [4, л. 23]. Правда, двойственность восприятия и самой Белорусской республики, и ее важнейших политических и культурных институтов в обществе и в интеллигентской среде характерна на протяжении всех 20-х гг. В революционной риторике сложно было вычленить именно Беларусь как таковую, обособить ее от усто-

явшегося общероссийского стереотипа. Тем более, что политические и общественно-культурные контакты развивались почти исключительно в рамках таких единых по смыслу и духу политических образований, как РСФСР и ССРБ, а затем уже в масштабах СССР и прочих его республик, среди которых РСФСР занимала исключительные позиции. Эти политические пертурбации, за которыми не всегда поспевала теоретическая революционная мысль, а тем более словесное ее облачение, уже в конце 1920-х гг. вызвали шквал репрессивных мер против и «национал-демократов» и против «великодержавных шовинистов». Под эти обвинения попали в Беларуси почти все те, кто мучительно пытался найти «золотую середину» для совмещения в реальной действительности национально-возрожденческих и коммунистических идеалов, которыми постепенно пропитывалось белорусское общество. Одинаково печальная, трагическая участь постигла как высшее республиканское руководство, так и научно-педагогические кадры старой и новой формации.

Одним из острейших вопросов в создании Белорусского университета было изыскание материально-финансового обеспечения его деятельности. Эта проблема усугублялась крайним разорением послевоенного и послереволюционного Минска и всей Беларуси. Рассчитывать на полновесную помощь со стороны Москвы особо не приходилось, несмотря на то, что РСФСР всеми силами стремилась хоть как-то помочь странному и проблемному государственному образованию на ее западных рубежах. Оно воспринималось как временная, как специфическая часть советской российской государственности. В силу этого почти каждый свой шаг партийно-советские лидеры Белорусской республики вынуждены были сверять с мнением Москвы. В том числе и в деле строительства университета. И за советскими дензнаками, и за валютой, и за более или менее серьезным оборудованием для лабораторий и кабинетов, и за сложными научными приборами, книгами для библиотеки и т. д. в Москву обращались белорусские чиновники разных уровней. Но чаще всего эффект достигался только в случае прямых телефонных переговоров и специальных поездок в российские наркоматы глав ЦИК и СНК ССРБ, а более всего наркоматов финансов и просвещения. Ехали, чтобы добиться необходимого и дополнительного финансирования, согласовать и получить разрешение на изменение факультетской структуры, аморфных на первых порах, но все же общих для всей Российской Федерации, а значит и Беларуси, учебных планов и т. д. Все инициативы и все малейшие изменения в бело-

русской академической среде должны были быть санкционированы подписями и печатями московских советских чиновников. Эта практика укоренилась с первых дней, когда в феврале 1919 г. было решено начать движение на многотрудном пути создания БГУ, когда 30 октября 1921 г. он стал реализовывать свою образовательную, научную и общекультурную миссию.

Следует признать, что изученный документальный материал, в первую очередь Национального архива Республики Беларусь, не дает оснований утверждать, что такое положение вещей не устраивало бы кого-либо из организаторов университета, его профессорско-преподавательский коллектив и студентов. Двойное управление белорусской высшей школой утвердилось сразу с образованием небольшого территориального ядра белорусской государственности. И университет естественным образом во всех своих проявлениях копировал, отражал общую для вначале постимператорской России, а затем СССР общественно-политическую, экономическую и культурно-образовательную систему связей, взаимоотношений и т. п.

Московской помощи добивались различными путями. Наиболее действенным был, так сказать, властный уровень. Но чтобы он пришел в движение, необходимо было соблюсти субординацию. Только ректор БГУ Пичета мог себе позволить напрямую ходатайствовать перед высшим руководством республики в лице председателя ЦИК и СНК А. Г. Червякова, его заместителя И. А. Адамовича, секретаря ЦБ КП(б)Б В. Г. Кнорина, наркома просвещения В. М. Игнатовского и его заместителей И. П. Кореневского, С. М. Некрашевича, А. В. Балицкого, наркома финансов С. Я. Талунтиса и др. Но и его просьбы и предложения чаще всего шли по инстанциям. Так, прежде чем было найдено решение по одной из ректорских записок на имя председателя СНК республики, суть вопроса была изучена заместителем главы правительства Адамовичем, затем нарком финансов Талунтис получил задание попытаться изыскать «внутренние резервы» и только затем доводы Пичеты были адресованы в Москву: благо там в это время находился Александр Червяков. Он из «московского далека» сразу же откликнулся не только очередными словами приветствия и оценки подвижнической миссии коллектива университета в деле его участия в построении общества «на коммунистических началах», но и сделал все возможное для отыскания в российских кабинетах элементарной материально-финансовой поддержки БГУ [4, л. 25]. Ситуация вынуждала СНК и ЦИК Беларуси в первых своих решениях по БГУ констатировать, что для университета

«нет собственных средств», а посему просить ВЦИК РСФСР «оказать дружеское содействие» «первому и единственному культурно-просветительскому и научному центру Белорусской Республики» [5, л. 390].

Однако нельзя считать, что ЦИК ССРБ был однозначно растерянным перед лицом предвиденных и очевидных трудностей. В апреле 1921 г. своим решением его президиум не только подтвердил безусловную необходимость открытия БГУ, но и сделал ряд конкретных указаний белорусским хозяйственным органам по обеспечению его нужд. За этим явно ощущается рука Червякова — не столько потому, что на важнейших документах чаще всего стоят его подписи, но именно он более всего выказывал уверенность в том, что местные возможности позволят поставить университет «на ноги». Тем не менее белорусское правительство ориентировало Правление БГУ на необходимость налаживания прямых контактов с российскими органами просвещения, а для этого даже выделялся «классный вагон для постоянного сообщения» с Москвой [6, л. 3]. Там для оперативного решения материально-финансовых и иных вопросов развернуло свою деятельность специальное представительство БГУ во главе с уполномоченным Ф. Ф. Туруком. Правда, уже с 1 сентября 1922 г. по решению Правления БГУ его деятельность была прекращена [3, л. 89]. Можно предположить, что к этому побудило не столько улучшение положения дел с обеспечением университета, но, прежде всего, стремление полагаться на местные силы и возможности. То был кратковременный период всплеска национальных чувств.

В вопросах же идеологически заостренных, изначально пронизывавших все стороны деятельности БГУ, это подчинение было абсолютным. Так, факультет общественных наук (ФОН) и в организационном, и в чисто учебно-образовательном плане строил свою работу на основе предписаний Москвы. Для этого необходимо было руководствоваться Положением об управлении ФОНом, в котором говорилось, что декан факультета несет ответственность непосредственно перед Главпрофорбом, а в связи с этим и его полномочия на факультете были чуть ли не выше ректорских (он даже самостоятельно мог решать кадровые вопросы). За Правлением университета оставались лишь контролирующие функции [3, л. 6]. В Беларуси нашли возможность усилить это положение — на должность декана идеологического факультета с прямым подчинением Москве назначались высокие властные чины: вначале это был заместитель наркома просвещения С. З. Каценбоген, а затем уже и сам нарком В. М. Игнатовский. Хотя вполне вероятно, что таким образом

снималось излишнее напряжение, возникшее в университетском руководстве.

И все же, чтобы быть конкурентноспособным и в образовательно-идеологическом плане, БГУ должен был в первую очередь полагаться на помощь местных властей. Правление университета, его ректор умело

акцентировали их внимание именно на подобных функциях и якобы предназначении высшей школы Советской Беларуси. Трудно сказать, сколь искренними и убежденными в данном случае были «отцы-основатели» БГУ, эта «старая» профессура, многие представители которой просто стремились выжить, приняв решение работать в разоренном крае, заниматься «с нуля» конструированием сложнейшего академического здания там, где не осталось ни традиций, ни опыта, ни кадров. Видимо, с их стороны элементы «подыгрывания», а не только беспрекословного исполнения революционно-преобразующих указаний представителей власти, имели место. Но то, что объединяло и белорусское партийно-советское правительство, и университетскую профессуру (по крайней мере ее большинство) — это понимание исключительной важности университетской сферы в сохранении и преумножении культуры, традиций, цивилизационного уровня того населения, которое долгое время было лишено этого, столетиями пребывая в зоне пересечения политики «вытравливания» этнических и национальных черт и через полонизацию, и через русификацию. Об этом убежденно и с болью писал Турук в университетской летописи, которую он опубликовал в самом первом научном университетском сборнике в 1922 г. [7, с. 175—185]. Эта убежденность отчетливо проходила в многочисленных речах, записках, приветствиях того же Червякова.

Идея реализации местных сил и резервов при создании белорусского университета нашла отражение и в решении Президиума ЦИК ССРБ от 18 апреля 1921 г., вновь же подписанном Червяковым. Наркомпросу республики поручалось вести работу в тесном контакте с отделами народного образования Витебской, Гомельской и Смоленской губерний РСФСР. Тем самым на перспективу определялась значимость будущего университета «для всей этнической Белоруссии». И более того — для «зарубежной Белоруссии» он должен был стать «центром возрождения» [8, л. 13; 3, л. 194]. Правда, пограничные с Беларусью губисполкомы Российской Федерации наотрез отказывались принимать участие не только в «субсидировании» БГУ, но чинили всяческие препятствия по реализации согласованных между Минском и Москвой решений о передаче университету оборудования и книг из расформированных в Ви-

тебске и Смоленске учебных заведений. Поэтому в августе 1922 г. решением СНК БССР постановили не просто продолжить «привлечение соседних губерний к строительству Белорусского Государственного Университета», но установить для этого тесные контакты на правительственном уровне с руководством вышеуказанных губерний. Стало очевидным, что нельзя было действовать наскоком. Преодолеть предубеждения провинциальных советских чиновников, не особо понимавших своей роли в белорусских национально-возрожденческих процессах, а тем более олицетворявших иной государственно-административный статус, следовало путем доказательств и регулярных контактов.

Следует отдать должное представителям белорусских властей — по-разному понимая суть и предназначение университета, они всячески помогали ему «стать на ноги». Вполне объективно в первом отчете БГУ (январь 1922 г.) по итогам начала деятельности было отмечено, что «работа Правления протекала в полном контакте со всеми местными правительственными органами и ни разу не возникало не только недоразумений, но даже шероховатостей». Не было ничего экстраординарного в том, что партийные и советские руководители посещали заседания ученых советов университета, бывали на его факультетах, лично окунаясь в их тяготы и даже более чем скромную обстановку аудиторий и кабинетов первых 14 «Домов БГУ» [3, л. 64, 121, 164, 188]. Нет оснований расценивать как некую сверхцентрализацию управления, а тем более как проявление устанавливавшейся тоталитарной системы советской власти, то, что СНК на своих заседаниях обсуждал и утверждал штатные перемещения в БГУ и его профессорско-преподавательских кадров, и даже истопников и уборщиц [9, л. 14]. Как и то, что председатель ЦИК Беларуси лично определял не только правомерность закупки за валюту зарубежных научных и учебных изданий, оборудования для медфака БГУ, но и сам утверждал списки на получение «академических пайков из местных средств» для поддержания профессуры БГУ, когда «наряды» из Москвы задерживались, а благотворительные организации не поспевали обеспечить всех нуждающихся [3, л. 11, 37, 68—74].

Установки из Москвы, подпитанные тенденциями развития революционных настроений на местах — о приоритете в национальных республиках местного языка, культуры, кадров и т. д., в БГУ, как и во всей Беларуси 1920-х гг., естественно дополнялись своеобразием понимания сущности и путей реализации идей «белорусизации», «коренизации» и их составляющих, изначально исходивших из еще идеологически не определившегося Центра. В том числе и сверхрадикальными подхода-

ми в этом политически остром движении к «полному и окончательному решению национального вопроса в СССР» [10].

Примечателен тот факт, что в первые годы белорусской государственности высокие властные посты занимали те, кто то ли одновременно работал в БГУ (секретарь ЦБ КП(б)Б Кнорин, зам. наркома просвещения Каценбоген и др.), то ли в скором времени после оставления государственной службы станет штатным работником университета (так, второй ректор БГУ Кореневский, сменивший Пичету, в начале 1920-х гг. занимал высокую должность заместителя наркома просвещения). Уникален в этом отношении

пример самого наркома просвещения ССРБ Игнатовского — он был не только членом первого состава Правления БГУ, но и как декан возглавлял вначале факультет общественных наук, а затем педагогический, активно занимался преподавательской работой в качестве профессора [11, с. 36; 12, с. 31]. Положение с преподавательскими кадрами, особенно высшей квалификации, определяло необходимость такого совмещения властных и академических должностей. К тому же представители власти были «задействованы» на самых сложных и ответственных участках учебного плана: Игнатовский читал курсы истории Беларуси, его заместитель по наркомату Каценбоген — курс «пролетарской революции», а партийный белорусский лидер Кнорин почти год вел курсы по проблемам «экономики переходного периода». Такие связи власти с университетом в те годы органично и естественно дополняли официально-управленческие: наркомпрос имел своего представителя в Совете БГУ. Кроме того, в административной структуре университета было «забронировано» место за представителем СНК в целом [13, л. 41, 113]. И все же университет состоялся в первую очередь благодаря «усилиям и любви, бескорыстной преданности всех служащих БГУ» [3, л. 1, 108, 164, 187, 193, 198].

Как показали последующие события, использование и даже «прикармливание» «старой» профессуры в первые годы советской власти было определено в качестве приоритетного направления в общей политике «культурной революции», как единственного пути подготовки истинно «пролетарских» кадров. Однако общая атмосфера новой экономической политики некоторое время позволяла это воспринимать и местным властям, и университетскому сообществу достаточно легковесно. Ведь даже в 1928 г. ректор БГУ Пичета, как это достаточно убедительно доказывают исследования современных российских историков (например, А. Н. Горяинов), не смог разобраться в истинной подо-

плеке создания Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНИТСО). Его выступление на организационном собрании этой ассоциации явилось одним из последних аргументов для властей в необходимости избавиться от представителя «старой» профессуры [14, с. 64—65]. И один из соратников и единомышленников первых белорусских советско-партийных руководителей, ректор, академик был брошен за тюремную решетку, а затем сослан [15, л. 111, 360—361].

Еще более страшная участь постигла первых белорусских партийно-советских лидеров, тех, кто так надеялся своими действиями, порой на грани человеческих возможностей, не только приблизить достижение коммунистических идеалов в «братской семье советских народов» при безусловном приоритете РСФСР и московского центра политического, экономического, культурного и, конечно, идеологического управления, но и создать условия для развития и совершенствования истинно белорусской государственности со всеми компонентами, ее олицетворяющими. В том числе и с развитой системой высшей школы, университетского образования. Не выдержав лживых обвинений и понимая свою обреченность, покончили жизнь самоубийством Червяков, Адамович и Игнатовский, по лживым обвинениям были расстреляны Кнорин, Балицкий, Некрашевич, Кореневский и многие другие. Список жертв репрессий против тех, кто искренне стремился создать на белорусской земле свою государственность в облачении высшего проявления цивилизационного развития — развитой системы университетского образования, страшно длинный… В нем имена и руководителей, и исполнителей тех дел, которые, как бы то ни было, позволили в чрезвычайных условиях разорения и «брожений» в умах создать «с нуля» высококлассную образовательную и культурообразующую систему, позволили состояться БГУ как alma mater сотен тысяч представителей белорусской интеллигенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савецкая Беларусь. 1922. 29 кастр.
2. Звезда. 1924. 12 апр.
3. Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 124.
4. НАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 128.
5. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Т. 2.
6. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6.

7. Труды Белорусского Государственного Университета в Минске. 1922. № 1. Минск, 1922.
8. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7.
9. НАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 28. Т. 2.
10. Працаўнік Асьветы. 1928. 17 лістап.
11. *Ігнаценка, І.* Усевалад Ігнатоўскі і яго час / І. Ігнаценка, А. Кароль. Мінск, 1991.
12. *Брыгадзін, П.* Усевалад Ігнатоўскі: палітычны дзеяч, вучоны / П. Брыгадзін, І. Мацяс. Мінск, 1998.
13. НАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 28.
14. *Горяинов, А. Н.* Трагическая страница биографии В. И. Пичеты в свете одной стенограммы 1928 года / А. Н. Горяинов // Славяноведение. 2002. №1.
15. Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивное уголовное дело № П-65245. Т. 19.